

УДК 94

Берберова Елена Георгиевна

ОСОБЕННОСТИ КЛИМАТОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ КАЗАЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Статья исследует специфику адаптации казаков в процессе их движения на юг, где претерпев исключительные по сложности и тяготам испытания, они путем приспособления к миру Кавказа наполнили пространство «фронтира» новыми смыслами, при этом сами приобрели ярко выраженные черты ориентальности.

Ключевые слова: фронтир, казак, переселенцы, колонизация, пограничье.

Berberova Elena G.

FEATURES AND CLIMATO GEOGRAPHIC SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF COSSACKS UNDER SETTLEMENT AND DEVELOPMENT OF THE NORTH CAUCASUS

The paper investigates the specifics of the Cossacks in the process of adapting their movements to the south, where undergone exceptional complexity and burdens test, by adapting them to a world filled space Caucasus "frontier" new meanings, while they themselves have acquired pronounced oriental features.

Keywords: frontier, Cossack settlers, colonization, border.

В современной российской историографии, посвященной имперским исследованиям, понятие фронтир выступает одной из основных категорий, позволяющих внести в познавательный процесс социально-культурных феноменов новый подход и увидеть привычное и устоявшееся в новом свете.

Термин «фронтир» в значении «пограничье» (англ. *frontier*) ввел в научный оборот американский историк Ф. Дж. Тёрнер в 1893 г. в своем докладе «Значение фронта в американской истории» [1, с. 10]. Он использовался ученым для обозначения приграничной полосы либо области так называемых «свободных земель» во внутренних районах североамериканского континента, которые на протяжении всей истории США вплоть до конца XIX века осваивались белыми поселенцами и постепенно перемещались в ходе поступательного их продвижения на Запад, до побережья Тихого океана [1, с. 12].

При обращении к исследованию истории северокавказской окраины Российской империи, данное понятие используется для обозначения не только пограничной линии или территории между сопредельными государствами, но и для выявления характера взаимодействия на этой территории, при котором население, социально-политические и иные институты, представляют собой своеобразную среду «фронтира». Это также место особенного коммуникативного знакомства культур и цивилизаций, где происходила реализация (в многоуровневом формате) климатических, военных, политических, этнических, религиозных и иных аспектов в ситуации пограничной неопределённости. Поэтому присоединение Северного Кавказа к России не следует сводить к банальному приобретению новых территорий и подданных.

Процесс колонизации данной части империи был многомерным, поскольку северокавказский «фронтир», раскинувшийся от моря до моря, был не просто линией соприкосновения двух цивилизаций или культур разного уровня и направленности развития, он был пространством коммуникативного взаимодействия, находившегося долгое время в состоянии неопределённого проявления и не выявленного доминирования.

Первоначальным приближением российского мира к Северному Кавказу было самостоятельное движение частных лиц, пускавших на свой страх и риск на поиски лучшей доли, которой они не могли получить в рамках существовавшей государственности. Этими людьми были те, кто впоследствии получил название вольных казаков, выступивших в роли пионеров-колонизаторов, расселявшихся по левому берегу Терека.

Без государства и вне государства казакам пришлось испытать немало превратностей на первоначальном этапе их контактов с кавказским миром. Кроме того, окружавшая новопоселенцев климатогеографическая и социальная среда северокавказского «фронтира», где они пытались строить своё новое сообщество, оказались настолько враждебными и незнакомыми, что поставили перед казаками вопрос об их адаптационных возможностях.

Экологическая обстановка в пространстве Северного Кавказа обладала столь большим и неожиданным для пионеров-поселенцев разнообразием, преподносила столько сюрпризов, что новопоселенческая масса пережила своеобразный шок привыкания.

Как и в своё время в Америке (об этом говорил Ф. Тёрнер), вся обстановка фронта на первых порах оказывала слишком сильное воздействие на колониста: он должен был либо принять все предъявляемые условия, либо погибнуть [2, с. 337–338].

В северокавказских реальностях вольная казачья масса, предоставленная самой себе, вырабатывала самостоятельно жизненные практики, черпая многое из механизмов быта горских народов. Некоторые из тех, кто поселился в непролазной глуши низового течения Терека, не досягаемой ни для какой погони, «нашли себе стоянки, с обильными угодьями для рыбного и охотничьего промысла» [2, с. 341].

Специфические условия существования нижнетерских казаков привели к выработке в их среде специфических адаптационных инструментов. Необходимость вынудила их вступать в постоянные контакты с местным кавказским населением, что привело к зарождению особого типа отношений – куначеству.

Ещё одной адаптационной специфичностью терских казаков, которые представляли собой преимущественно мужское население, стало «умыкание невест» у горских племен. С другой стороны, заселение казачьих городков представителями и представительницами горских этносов способствовало сближению казаков с горским миром, «переимчивости» у горцев полезных навыков в укладе жизни.

Длительный исторический период сосуществования, частые контакты и метисация оказали заметное воздействие на формирование культурной идентичности и уклада жизни терско-гребенского населения. В. А. Потто по этому поводу отмечал, что «казаки постарались усвоить себе горские наречия и многие черты их характера и домашнего быта» [3, с. 155–156].

Пространства Северо-Западного Кавказа, особенно Черноморское побережье и территории вдоль течения реки Кубань, дикая, с точки зрения казаков-пионеров, местность вносила коррективы не только в систему их бытования. В непривычной и жестокой для них обстановке казаки-колонисты сделались жертвами множества болезней, поджидавших их в своеобразных условиях кавказской среды.

Особенности освоения новых территорий требовали от казаков новых поселенческих практик, которых не было в их арсенале, поскольку не все из них предполагали встретить в пространстве северокавказского «фронта» столь жестокого инобытия. Кроме того, их культурный код не предполагал механизмов настройки к существованию в средах, выходящих за рамки их исторически обозримого существования. В связи с этим экологическое своеобразие кавказского пространства можно зачислить в ряд тех причин, которые воспрепятствовали быстрому освоению русским населением Черноморского побережья Кавказа. Данная территория сопротивлялась не только прежним, принесенным из иной, некавказской, среды способам взаимодействия с землей, но и наносила бедственные удары по иммунной системе казачьего населения.

Казачьи поселения в Черномории располагались вопреки традиционным горским, экологически выверенным схемам. Новопоселенцы, в подавляющей массе своей – степняки, оказались лицом к лицу перед незнакомыми картинами и свойствами ландшафта: кругом были горы и дремучий лес. Они стали ставить свои хаты и балаганы по низменностям вдоль рек, где никогда не селились черкесы, занимавшие своими жилищами возвышенности над болотистыми низинами, зараженными малярийными лихорадками. Казаки, напротив, поставили свои хаты и курени в самых низких местах, в некоторых местностях – даже ниже уровня моря и, разумеется, в массе своей стали болеть лихорадкой, от которой за недолгое время погибали. По замечанию С. И. Васюкова, от лихорадок страдали главным образом первые поселенцы, усадьбы которых находились в ямах, между возвышенностями, среди густой, непроходимой чащи фруктовых деревьев и непременно около речки. Он приводит статистику, когда из 888 человек, населявших одну из станиц, в течение двух лет умерли 200 человек – взрослые и дети [4].

Казаки, кроме низин и впадин, располагали свои поселения на открытых местах вдоль морского побережья, часто попадавших в объятия густых туманов, пагубно влиявших на людей, домашних животных и на садовые культуры [5].

Но новоселы мало стремились приспособливаться к местным условиям существования, предпочитая сетовать на природу, обзывать её «казнью египетской» [6, с. 199–200]. Переселенцы-степняки не любили ни моря, ни гор. В горном побережье продолжали вести степное хозяйство, а расчищенные в горах места под посевы зерновых называли «степью». Поселяне были совершенно глухи к естественным требованиям природы края, не занимались ни плодовыми, ни многолетними культурами, сосредоточив все свои интересы «в степи», где находилась их пшеница и их баштаны [7, с. 335].

Приверженность к своим культурным координатам и традиционным способам жизнедеятельности не позволяла новопоселенцам первого поколения не столько понять экологических особенностей северокавказского края – они их не могли не видеть, сколько выйти за рамки привычного опыта, который был бесполезен в новой среде обитания. Они предпочитали раз от разу терпеть фиаско в попытках навязать свои способы и методы природопользования совершенно чуждому им климатогеографическому пространству, чем отказаться от традиции, вне которой они не чувствовали твёрдой почвы естественного для них мира в чужеродном пространстве «фронттира».

Эта «странная» глухота к импульсам осваиваемой среды имела большую временную протяженность, прежде чем новопоселенцы научились подчиняться требованиям элементарной адаптивности и самосохранению. Глухота данного рода тиражировалась в крепостях Черноморской кордонной линии, устроенной военными властями с 1830 по 1842 г. Из-за лихорадок и других, уже ранее перечисленных неблагоприятных обстоятельств только экологического происхождения, в крепостях наблюдалась огромная по своим размерам смертность людей.

Российское правительство, активно подключившись со второй половины XVIII века к колонизационным процессам, стремилось придать ему организованный характер и усилить оборону Терской линии, с которой оно намеревалось впоследствии продвигаться дальше на юг. Казачья колонизация Кавказского края становится важнейшим и наиболее часто употребляемым средством военно-политической активности имперских властей в данном регионе.

Этот путь заселения края диктовался, прежде всего, военно-стратегическими задачами, а потому и способствовал определяющей роли в первоначальном освоении данной территории военно-казачьим первопроходцам, на плечи которых было возложено решение не только военных задач, но им предстояло решать также задачи хозяйственно-экономические и культурные, имевшие тесную связь с назначенной целью – сделать Кавказ частью российского мира.

С 70-х годов XVIII в. российские власти стали создавать Кавказскую кордонную линию, стремясь протянуть ее «от моря до моря и тем самым прочно закрепиться в регионе» [9, с. 509]. Это повлекло за собой большие финансовые и материальные затраты, необходимые для обустройства кордонной линии [9, с. 509]. Основная роль в обслуживании и укреплении была отведена казакам. В этой связи можно сказать, что линию соприкосновения русского мира с миром горцев Северного Кавказа с конца XVIII в. стали превращать в своеобразный казачий край. Силами армии и казачества «первоначально захватывались низменности, а затем туда переводились станицы кавказских линейных и черноморских казаков» [8, с. 62]. Строилась Азово-Моздокская линия, растянувшая укрепления по Кубани, Тереку и в других районах [10]. Таким образом, государственной волей размечался северокавказский «фронттир».

Следует, однако, подчеркнуть, что зарождавшаяся и развивавшаяся коммуникация между имперским миром и миром кавказских горцев не может сводиться только к линии, представлявшей собой череду кордонных укреплений, казачьих станиц, дозорных башен или постов, вдоль которой и на которой происходили военные столкновения.

По мнению американского исследователя Т. М. Барретта, «российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание: оно было также и процессом образования «фронттира» – приграничной, порубежной зоны, – включавшим внутреннюю и внешнюю миграцию большого числа населения, оседание на новых местах, образование новых сообществ и отказ от старых. [11, с. 36].

Таким образом, долгое время Кавказ не только не превращался в часть русского мира, но сам русский авангард, представленный казачеством сильно изменился и переменял ориентиры своего земного существования, сильно разбавив его ориенталистскими мотивами.

Литература

1. Тёрнер Фредерик Дж. Фронттир в американской истории. М.: «Весь Мир», 2009. 304 с.
2. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Сборник документов. Нальчик: «Эль-Фа», 1996. Т. I. 356 с.
3. Цит. по: Кавказ: Адапы горских народов. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. IV. 384 с.
4. Российский государственный военно-исторический архив (В дальнейшем РГВИА). Ф.13454. Оп.2. Д.630. Л.22.
5. РГВИА. Ф.14257. Оп.3. Д.509. Л.1–8.

6. Епифанцев А. А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? М.: ООО «ИПЦ «Маска», 2010. 356 с.
7. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля / под ред. В. Г. Гаджиева, Н. Н. Покровского. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 510 с.
8. Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 635 с.
9. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877с.
10. Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. 1872. Вып.7. С. 29.
11. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: «Росет», 1994. 592 с.

УДК 130.2:316.42

Бокачев Иван Афанасьевич, Незнамова Ирина Ивановна

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье обосновывается актуальность обеспечения безопасности духовной культуры, в философском контексте рассмотрен целый комплекс проблем, от решения которых во многом зависит не только безопасность духовной культуры, но и судьба реформ российского общества в целом.

Ключевые слова: духовная культура, безопасность, безопасность духовной культуры, сознание, личность.

Bokachev Ivan A., Neznamova Irina I.

SAFETY OF THE SPIRITUAL CULTURE AS AN IMPORTANT CONDITION FOR THE STEADY GROWTH OF THE RUSSIAN SOCIETY

This article justifies the importance of providing safety to the spiritual culture, in philosophical context reviewed the whole range of problems on the solution of which depends not just safety of spiritual culture, but the fate of reforms in Russian society in general.

Key words: spiritual culture, safety, safety of spiritual culture, consciousness, personality.

Обеспечение безопасности духовной культуры – это не отвлечённая проблема нашей действительности, а настоятельное веление времени. Ведь ни для кого не секрет, что многие экономические, политические неудачи, торможение процессов демократизации, государственного строительства – всё это напрямую связано с кризисом духовной культуры. Разложение нации и даже гибель государства, как показывает история, практически всегда начинались с разложения духовности и основ культуры, уничтожения моральных принципов, подмены ценностей, внедрения ложных идей. Это во многом лишает возможности формировать адекватный ответ не только историческим, но и современным геополитическим вызовам, обеспечивать безопасность духовную, культурную, экономическую и даже военную.

Однако прежде чем рассмотреть обозначенную проблему, следует уточнить её наиболее общие вопросы, имеющие теоретико-методологическую основу. В первую очередь это относится к понятиям «духовная культура» и «безопасность». Например, необходимость уяснения термина «духовная культура» вызвана тем, что это понятие в интерпретации современных политиков, государственных чиновников всё чаще и чаще сужается до различных жанров искусства, организации досуга, сводится к развлечениям, в то время как «духовная культура – предтеча и духовный исток культуры материальной, всего человеческого бытия» [1, с. 44]. Духовная культура – это то, что отличает человека от животного, это качественное состояние (как выражение), это своего рода уровень достигнутого в развитии и формировании целостной личности и общества. Целостный человек, по сути, – духовный человек, он не будет ставить перед собой безнравственные цели и тем более осуществлять свои «благие намерения» безнравственными средствами.

Духовное бытийствует как индивидуализированное духовное, присущее отдельно взятому человеку (духовный мир человека) и как объективированное духовное (общественное сознание). В то же время человек вне культуры не может осуществить себя в качестве человека и реализовать свой духовный потенциал. В конечном счёте, ценность культуры есть производная от самооценности человека. Однако приобщить человека к культуре можно лишь тогда, когда личность начинает не